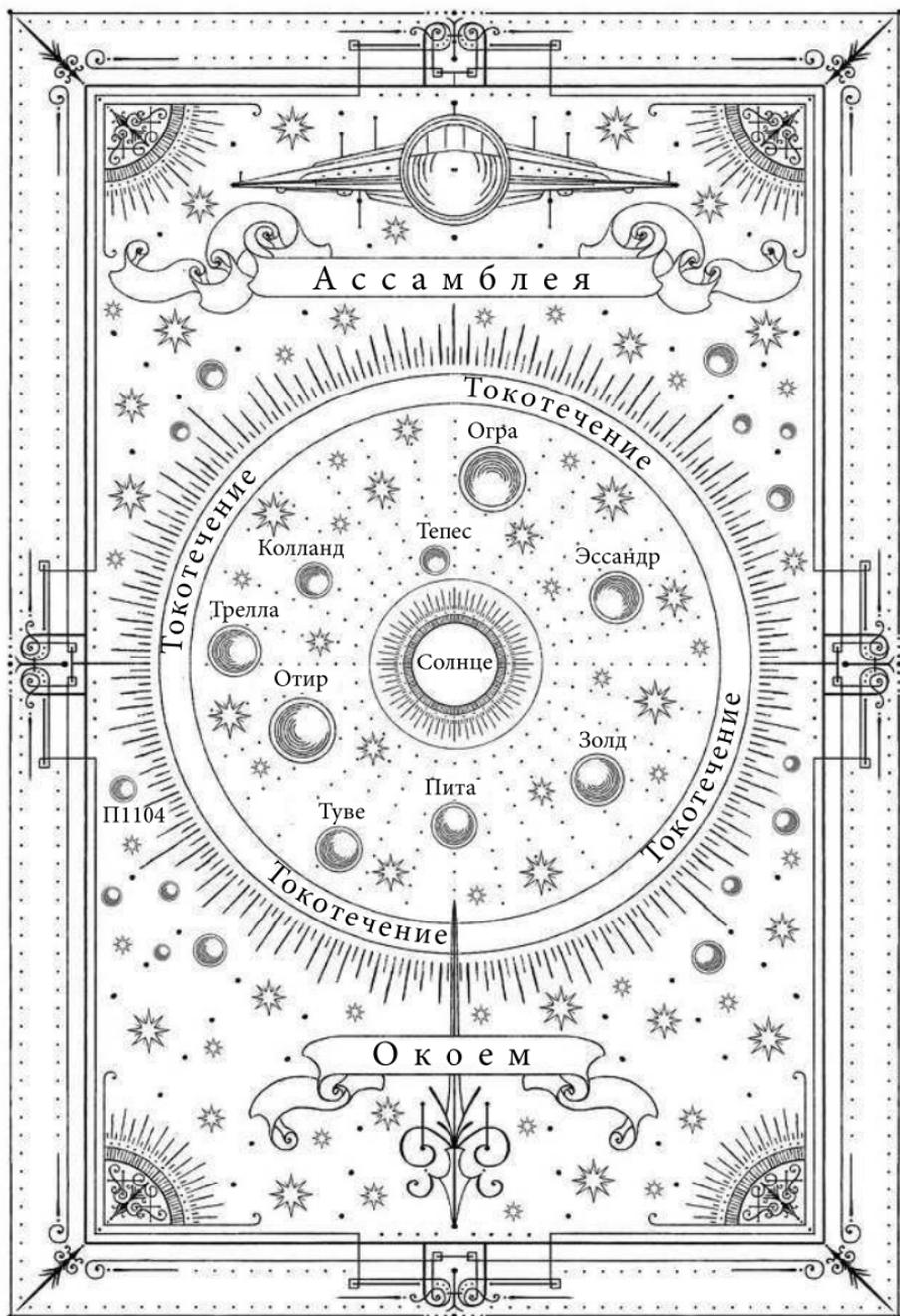

ЗНАК

СУДЬБА

СУ
ДЪ
БА

ВЕРОНИКА
РОТ

Москва
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P79

Veronica Roth
THE FATES DIVIDE

Copyright © 2018 by Veronica Roth

Художественное оформление *Елены Окольциной*

Рот, Вероника.

P79 Судьба / Вероника Рот; [перевод с английского Ю. А. Михайловой-Сдобновой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-104867-9

Мы принимаем судьбы, которые заслуживаем. Но Акос влюблен вопреки судьбе. И должен умереть на службе роду Ноавеков.

Когда Лазмет Ноавек возвращается на шотетский престол, Акос понимает, что конец неизбежен. Бездушный тиран разжигает войну. Но эта война не может длиться вечно...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-104867-9

© Михайлова-Сдобнова Ю.А., перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Моему отцу Фрэнку, брату Фрэнки и сестре Кэндис.
Пусть нас и не связывают кровные узы,
но мне безумно повезло, что вы — моя семья.*

Пролог

АЙДЖА

- Чего мы так боимся?
- Она идет нас убивать.

Некогда нас тревожила мысль о жизни в двух телах одновременно. С тех пор мы мало-помалу привыкли. И оба наших токодара трансформировались в один новый странный дар. Мы научились делать вид, что мы не одна, а две независимые личности. Но себя мы предпочитаем не вводить в заблуждение. Мы — одна личность, заключенная сразу в два тела.

В последний раз свое местоположение мы знали на Уреке. Но сейчас мы не там. Мы бороздим просторы космоса. Красноватый пояс токодотечения является единственным источником света в беспроглядной тьме.

Лишь одной из двух наших камер посчастливилось иметь иллюминатор. Одна «темница» — тесная каморка с прохудившимся матрасом и бутылью воды. Вторая — склад со средствами для уборки, источающими резкий едкий запах. Свет сочится лишь сквозь вентиляционные дыры в двери, которая заперта, но не изолирована от освещения в коридоре.

Мы протягиваем руки. Одна — длинная и покрытая бледной кожей. Другая — короче и темнее. Вторая кажется легкой, а первая — тяжелой и неуклюжей.

Из одного тела яд вышел. Другое все еще под его воздействием.

Одно сердце тяжело колотится. Второе — бьется ровно.

— Убивать нас? — спрашиваем мы себя. — Мы уверены?

— Уверены точно. Это наши судьбы. Они жаждут нашей смерти.

— Судьбы...

Здесь у нас разногласие. Можно одновременно любить и ненавидеть. Вот мы и любим, и ненавидим судьбы. И верим, и не верим в них.

— Как говорила наша мать...

У нас две матери, два отца и две сестры. И всего один брат.

— Прими судьбу... или как там... смирись с ней... или...

— Выстрадай судьбу. Все остальное — заблуждение.

The background is a grayscale image of a starry sky. It features a bright star in the upper left quadrant, surrounded by a soft, glowing nebula. The rest of the sky is filled with numerous smaller stars of varying brightness, some appearing as distinct points of light and others as faint, diffuse clouds. The overall texture is ethereal and cosmic.

ЧАСТЬ
I

Шитхи. Глагол. С тувенского: «мочь» /
«следует» / «должен».

1

КАЙРА

Считалось, что Лазмет Ноавек — мой отец и бывший шотетский тиран — погиб десять сезонов назад. Похоронная церемония состоялась в первую Побывку, последовавшую за его кончиной. Так как тела не было, в космос отправили старую броню Лазмета.

Тем не менее мой брат Ризек, заключенный в недрах этого корабля, утверждал, что *Лазмет до сих пор жив*.

Мама иногда звала папу Лазом. Никто, кроме Илиры Ноавек, не осмеливался на подобное. «Лаз, — говорила она, — остановись». И отец повиновался. Если жена не начинала давить на него слишком часто. Лазмет уважал Илиру и ни во что не ставил всех остальных. Даже собственных друзей.

Владыка был мягок с женой, чего никогда не позволял себе по отношению к кому-либо еще.

Мой братец же пришел в этот мир мягкосердечным, но позже ожесточился и превратился в изверга, способного изводить пытками собственную сестру. Ризек перенял привычку отца вырезать человечьи глаза и консервировать их таким образом, чтобы они не загнивали. Банки хранились в оружейном зале на тускло освещенных полках, закрепленных высоко над моей головой. Я частенько захаживала на них поглазеть, прежде чем

узнала об их истинном содержании. Зеленые, карие и серые радужки плавали, словно рыбки на поверхности аквариума в ожидании кормежки.

Отец никогда не извлекал органы зрения собственноручно. И не поручал этого другим. Лазмет использовал токодар, чтобы подчинять тела врагов своей воле, — и те проделывали этот «трюк» сами. Смерть — не единственное наказание для человека. Ведь можно подарить ему ночные кошмары.

Позже Акос Керезет нашел меня на навигационной палубе небольшого судна, которое уносило нас прочь — все дальше от планеты, которую я считала домом, где на данный момент назревала война между моим народом — шотетами и земляками Акоса — тувенцами. Я уселась в командирское кресло и принялась раскачиваться взад-вперед, пытаюсь успокоиться. Мне хотелось поведать Акосу о том, что рассказал мне Ризек. Что мой отец жив. Если, конечно, Лазмет был мне отцом, а Ризек — братом. Было похоже, что Ризек не сомневался, когда сообщал, что не является мне кровным родственником и что я — не истинный Ноавек. Именно поэтому, как объяснил Ризек, у меня не вышло разблокировать замок его комнаты. И поэтому мое первое покушение на жизнь брата не увенчалось успехом.

Я не знала, с чего начать. Со смерти отца? Рассказать о теле, которое так и не нашли? Или о назойливых мыслях, что между мной и Ризеком нет и малейшего сходства, будто мы и не родственники вовсе?

Казалось, Акос тоже не стремился к общению. Он расстелил на полу между командирским креслом и переборкой одеяло, которое нашел на корабле, и мы улеглись на него бок о бок, устремив взоры в бескрайнюю пустоту космоса. Паутина теней моего токодара оживилась и обвила запястье, подобно черным нитям. Кончики пальцев ужалила пронзительная боль.

Я не пугалась космической пустоты. Она позволяла мне почувствовать себя незначительной. Едва ли стоящей внимания. И мне было это по душе. Уж слишком часто я беспокоилась о том, что могла причинять вред другим. Вот если бы я была никем и жила в одиночестве, то не совершала бы ничего дурного. Все, чего я желала, находилось сейчас в пределах моей досягаемости.

Акос обхватил мой мизинец указательным пальцем. Его токодар заглушил мой, и тени развеялись. Да. Определенно все, в чем я нуждалась, уже было рядом.

— Скажи что-нибудь... на тувенском, — попросил Акос.

Я посмотрела в его сторону. Он по-прежнему глядел в иллюминатор, а его губы изогнулись в слабой улыбке. Веснушки украсили нос парня и рассыпались вдоль линии ресниц одного из век. Я неспешно подняла руку над одеялом. Не знаю, чего мне хотелось больше — дотронуться до Акоса или вдоволь насладиться предвкушением. Я проскользнула подушечкой пальца вдоль его брови.

— Я не ручная пташка, — ответила я. — И не чирикаю по приказу.

— Но это — просьба, а не приказ. Пустяковая просьба. Произнеси хотя бы мое имя.

Я рассмеялась.

— Ты помнишь, что в твоем имени больше шотетского?

— Эх, точно.

Акос потянулся губами к моей руке и клацнул зубами у самой кожи. Из моей груди вырвался смешок.

— Что тебе давалось сложнее всего, когда ты начала изучать тувенский?

— Названия ваших городов. Просто жуть, — ответила я.

Акос выпустил мою руку и ухватился за мизинец и большой палец другой всей пятерней. Прижался губами

к моей ладони, огрубевшей от рукояти ток-ножа. Это казалось таким странным. Столь незамысловатая манипуляция с загрубевшей частью меня была способна наполнить каждую клеточку тела жизнью.

Вздыхнув, я сдалась.

— Будь по-твоему. Я скажу. Гесса, Шисса, Акос... — произнесла я. — Одна канцлер прозвала Гессу «сердцем» Туве. Она носила фамилию Керезет.

— Единственный канцлер Керезет за всю историю Туве.

Акос поднес мою ладонь к щеке. Я приподнялась на локте и склонилась над ним. Мои волосы скользнули вперед, обрамляя наши лица. Теперь волосы были длинными лишь с одной стороны, а с другой сверкала дермоамальгама.

— Я прекрасно об этом знаю, — произнес Акос.

— Очень долгое время на Туве проживало всего две семьи судьбоносных, — сказала я. — Тем не менее, за этим единственным исключением, власть всегда принадлежала Бенезитам. Судьба назначала канцлерами их. Не кажется ли тебе это странным?

— Может, мы никудышные правители?

— А может, вы — любимчики судьбы? — предположила я. — Что, если власть — проклятие?

— Мы точно не любимчики судьбы, — возразил Акос.

Он произнес это мягко. Настолько мягко, что я не сразу сообразила, что Акос имел в виду. «Третье дитя рода Керезетов умрет, служа роду Ноавеков». Это подразумевало предательство: посвятить жизнь моей семье и погибнуть за нее. Разве это не есть проклятие?

Я с досадой покачала головой.

— Прости. Я не подумала...

— Кайра, — обратился ко мне Акос, а затем умолк и нахмурился. — Неужто ты просишь прощения?

— Мне знакомы кое-какие слова, — насупившись, ответила я. — Я не конченная грубиянка.

Акос рассмеялся.

— А я знаю, как будет по-эссандерски «мусор». Но это не означает, что я в курсе, как правильно это слово употреблять.

— Отлично. Забираю извинения обратно!

Я сильно щелкнула Акоса по носу. Он съежился от боли, но не прекратил заливаться смехом.

— Так как по-эссандерски «мусор»?

Акос ответил. Начало и конец этого слова были словно зеркальными отражениями друг друга.

— Я обнаружил твое слабое место. Стоит мне уличить тебя в незнании чего-то, как ты тут же приходишь в смятение.

Я обдумала его слова.

— Не страшно, что тебе известна одна моя слабость... учитывая, что исследовать тебе еще много.

Акос вопросительно приподнял брови. Я вонзилась пальцами в его левый бок, прямо под локтем, и в правый, чуть выше бедра. Эти слабые места я распознала во время наших тренировок. Акос не защищал их должным образом и съеживался сильнее, чем тогда, когда я наносила удары по другим точкам. Сейчас же я лишь слегка подтрунивала над ним, обнаруживая с удивлением для самой себя, что способна проявлять такую нежность. Мне хотелось выдавить из него еще больше смеха, а не заставить корчиться от боли.

Керезет поднял меня над собой, удерживая за бедра. Несколько его пальцев скользнули под пояс моих штанов. Это были еще не знакомые мне ощущения. И я несколько против них не возражала. Я опустила колени на одеяло, по обе стороны от Акоса, медленно наклонилась и поцеловала его.

Мы целовались всего несколько раз, и я еще не делала этого ни с кем другим. Каждый раз был открытием. Я исследовала края его зубов и кончик языка, чувствовала, как его колени скользят между моими, и приятную